

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 100—126.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 100—126.

Научная статья

УДК 327.8(091) (44).082

DOI: 10.46725/IW.2022.1.5

ВИНСЕНТ Д'АБЕРНОН И ФРАНКО-БРИТАНСКАЯ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ В ПОЛЬШЕ (1920 г.)

Никита Дмитриевич Сорокин

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
n.d.sorokin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4305-3079>

Аннотация. Заключение в 1921 г. невыгодного для Москвы Рижского мирного договора, поставившего точку в советско-польской войне 1919—1921 гг., стало прямым следствием поражения Красной армии в августе 1920 г. Ряд исследователей связывает успех польской армии исключительно с военным гением польского лидера Юзефа Пилсудского, забывая, что в те судьбоносные дни в Варшаве работала франко-британская военно-дипломатическая миссия, одним из лидеров которой был англичанин лорд Винсент д'Абернон. В настоящей статье изучена роль и место франко-британской военно-дипломатической миссии в «Чуде на Висле», а также персонального вклада британца д'Абернона в победу союзников. Особое внимание автор уделяет вопросам взаимоотношений членов миссии с польским политическим и военным истеблишментом, а также тем дипломатическим усилиям, которые были предприняты д'Аберноном в русле консолидации позиций Лондона и Парижа и транслирования этих установок в Варшаву. При написании статьи автором был использован исторический метод как прием для анализа многочисленных дневников и воспоминаний участников событий, а также историко-системный метод, позволяющий поместить изучаемые события в контекст архитектуры международных отношений на европейском континенте исследуемого периода. В результате проделанной работы автор приходит к следующим базовым выводам: 1) успех польской армии в битве за Варшаву напрямую связан с выполнением Пилсудским тех организационных и военно-тактических рекомендаций, которые были даны франко-британской военно-дипломатической

миссией; 2) ключевую роль в «Чуде на Висле» сыграла политическая и военная поддержка Польши Британией и Францией, которая, в свою очередь, стала возможной благодаря предоставлению своевременного и высокоточного анализа событий лордом д'Аберноном; 3) «нечистая дипломатическая игра», которую вела Москва с Варшавой и членами миссии, помогли д'Абернону выработать подход к работе с «советской угрозой» в качестве посла Его Величества в Берлине.

Ключевые слова: В. д'Абернон, Ю. Пилсудский, М. Вейган, П. Редклифф, Ллойд Джордж, «Чудо на Висле», советско-польская война, Рижский мирный договор, Варшава, Красная армия

Для цитирования: Сорокин Н. Д. Винсент д'Абернон и франко-британская военно-дипломатическая миссия в Польше (1920 г.) // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 100—126.

Original article

VINCENT D'ABERNON AND THE FRANCO-BRITISH MILITARY-DIPLOMATIC MISSION IN POLAND (1920)

Nikita D. Sorokin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
n.d.sorokin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4305-3079>

Abstract. The conclusion of the Riga Peace Treaty in 1921, which put an end to the Soviet-Polish war of 1919—1921, was a direct consequence of the defeat of the Red Army in August 1920. A number of researchers associate the success of the Polish army exclusively with the military genius of the Polish leader Joseph Pilsudski, forgetting that during those fateful days a Franco-British military-diplomatic mission worked in Warsaw, one of the leaders of which was the Englishman Lord Vincent d'Abbernon. This article examines the role and place of the Franco-British military-diplomatic mission in the “Miracle on the Vistula”, as well as the personal contribution of d'Abbernon to the victory of the Allies. The author pays special attention to the issues of relations between the members of the mission with the Polish political and military establishment, as well as the diplomatic efforts that were undertaken by d'Abbernon in the course of consolidating the positions of London and Paris and broadcasting these instructions to Warsaw. The author

used the historical method as a technique for analyzing numerous diaries and memoirs of participants of those events, as well as a historical and systematic method that allows placing the studied events in the context of the architecture of international relations on the European continent of the period under study. As a result of the work done, the author comes to the following basic conclusions: 1) the success of the Polish army in the Battle of Warsaw is directly related to the implementation by Pilsudski of those organizational and military-tactical recommendations that were given by the Franco-British military-diplomatic mission; 2) the key role in the “Miracle on the Vistula” was played by the political and military support of Poland by Britain and France, which, in turn, was made possible by the provision of timely and highly accurate analysis of events by Lord d’Abernon; 3) the “dirty diplomatic game” that Moscow conducted with Warsaw and members of the mission helped d’Abernon to develop an approach to dealing with the “Soviet threat” as His Majesty’s ambassador in Berlin.

Keywords: W. d’Abernon, J. Pilsudski, M. Weigan, P. Radcliffe, Lloyd George, “Miracle on Vistula”, Polish-Soviet War, Peace of Riga, Warsaw, Red Army

For citation: Sorokin, N. D. (2022), ‘Vincent d’Abernon and the Franco-British Military-diplomatic Mission in Poland (1920)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 100—126 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Битва за Варшаву 13—25 августа 1920 г., более известная как «Чудо на Висле», стала переломным моментом советско-польской войны 1919—1921 гг. Причины поражения Красной армии в битве, которая повернула ход всех военных действий и, в конечном итоге, привела к подписанию невыгодного для Советской России Рижского мирного договора 1921 г., оцениваются историками по-разному. Многие исследователи сходятся в мысли, что залогом победы польской армии стал военный гений главы II Речи Посполитой Юзефа Пилсудского [Wandycz, 1969; Ullman, 1973; Jedrzejewicz, 1977; Wagner, 1979; Jena, 1980; Klessmann, 1981]. Сам Ю. Пилсудский в своих воспоминаниях однозначно дает понять, что именно его руководство обороной столицы Польши позволило остановить наступление РККА [Pilsudski, 1920: 152—153].

Возвышенная личную заслугу Пилсудского в «Чуде на Висле», многие исследователи сводят к минимуму роль англо-французской военно-дипломатической миссии, направленной Лондоном и Парижем для поддержки польского командования. Британская часть миссии была представлена лордом Винсентом д'Аберноном, сопровождаемым генералом Перси Редклиффом; французская — Жаном Жюссераном и генералом Максимом Вейганом. Так, например, британский историк, занимающийся вопросами польской государственности, Норман Дэвис пишет, что «Пилсудский стал архитектором той победы», а «союзные правительства и их представители не играли вообще никакой роли в Варшавской битве». «Дипломаты Союзников в Польше во время Варшавской битвы находились в полнейшем замешательстве, препираясь друг с другом, со своими правительствами и с польским руководством» [Davies, 1972: 220], — заключает Дэвис.

Вместе с тем, существует и альтернативная точка зрения. «25 июля англо-французская миссия прибыла в Варшаву и приняла активное участие в руководстве операциями польской армии. Генералу Вейгану была предоставлена руководящая роль в операциях по защите Варшавы», — отмечает Исаак Минц в трехтомнике «История дипломатии» [История дипломатии..., 1945: 82]. Уинстон Черчилль, занимавший в 1920 г. должность военного министра, вспоминает в своих мемуарах, что «через влияние и авторитет лорда д'Абернона ... Вейган добился эффективного военного контроля [над обороной Варшавы]. Он [Вейган] перегруппировал отступающие польские армии и переломил ход битвы, организовав массивную контратаку» [Churchill, 1929: 282—283]. Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж поздравил д'Абернона с успешным завершением Варшавской операции, отметив, что его главная заслуга заключалась в «убеждении поляков принять условия сотрудничества с Союзниками в рамках работы миссии» [Bryant, 1990: 527]. Редакторы сборников «Документы британской внешней политики» Роан Батлер и Дж. Бэри замечают в предисловии к восьмому тому серии, что работа миссии существенным образом «поспособствовала успеху сопротивления поляков натиску Красной армии» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 6].

Постановка проблемы. Пришло время разобраться, какое в действительности значение для свершения «Чуда на Висле» имела работа англо-французской союзной миссии и каким был вклад молодого британского экономиста и дипломата лорда д'Абернона в эту работу.

Методология и методы исследования

При написании статьи автором был использован исторический метод как прием для анализа многочисленных дневников и воспоминаний участников событий, а также историко-системный метод, позволяющий поместить изучаемые события в контекст архитектуры международных отношений на европейском континенте исследуемого периода.

Основная часть

К лету 1920 г. ситуация на фронтах советско-польской войны складывалась не в пользу Варшавы. Конфликт, который начался на закате Первой мировой войны с серии пограничных стычек, перерос в полномасштабные военные действия с вторжением Польши на Украину в марте 1920 г. Советские войска остановили поляков под Киевом, и теперь уже Варшаве угрожало вторжение Рабоче-крестьянской Красной армии. Пилсудский, осознавая всю взрывоопасность ситуации, обратился за помощью к Лондону. Премьер-министр Ллойд Джордж, который считал действия поляков авантюрными и не одобрял, предложил следующие условия, на которых Лондон может вмешаться в конфликт: Польша объявляет перемирие, соглашается на проведение своей восточной границы по линии Керзона, принимает Британию в качестве посредника при подписании мирного договора на конференции в Лондоне. Ллойд Джордж обещал предоставить Пилсудскому военную помощь только в том случае, если Москва не согласится на перемирие и не прекратит наступление. Поляки, рассчитывавшие, в первую очередь, на военную поддержку, с неохотой приняли условия британского премьера, но не торопились воплощать обещанное в жизнь [Documents on British Foreign Policy, 1958: 441—442, 490—491, 502—506, 524—530].

Не желая оставаться «один на один» с Варшавой и Москвой, Ллойд Джордж решил привлечь к урегулированию конфликта Париж. Французский президент Александр Мильеран выразил готовность направить в Варшаву генерала Максима Вейгана, начальника штаба маршала Фоша и Жана Жюссерана, французского посла в США, который в тот момент был отозван в Париж. Своим военным представителем Ллойд Джордж назначил генерал-майора Перси Редклиффа, главу отдела боевых операций военного министерства. Дипломатическим аспектом работы миссии было предложено заняться лорду д'Абернону. Назначение молодого экономиста, лингвиста и бывшего военного лорда д'Абернона на столь ответственный пост стало первым опытом этого британца на дипломатической службе; опытом, который будет им продолжен на должности посла Великобритании в Германии в 1920—1926 гг.

Следует заметить, что между британцем д'Аберноном и французом Вейганом сразу сложились теплые иуважительные отношения. Дипломат так описывал генерала: «Идеальный солдат, педантичный, трудолюбивый; жесткий в суждениях, но скромный; смелый, но рассудительный; безоговорочно верящий в дисциплину, порядок и организацию, но не мыслящий стереотипами» [D'Abernon, 1931a: 127—128]. Генерал отвечал на комплименты дипломата той же монетой, отмечая, что д'Абернон зарекомендовал себя как человек умный и деятельный [Weygand, 1957: 94].

21 июля 1920 г. д'Абернон и Рэдклифф встретились с президентом Мильераном, генералом Вейганом и рядом высокопоставленных французских дипломатов и достигли согласия по следующим принципиальным позициям: 1) «склонить Варшаву к перемирию с Москвой», 2) «изучить возможность оказания Польше военной поддержки», если Россия откажется от перемирия [D'Abernon, 1931b: 16—17]. Миссия в полном составе покинула Париж вечером 22 июля на специальном поезде, предоставленном Мильераном. За те три дня, что миссия добиралась до польской столицы по железной дороге, произошел ряд важных событий: Варшава предложила Москве пойти на перемирие, но Красная армия продолжила наступление [Documents on British Foreign Policy, 1958: 395—397]. Советское руководство, ранее

выражавшее заинтересованность в скорейшем мирном сворачивании конфликта, теперь смотрело на ситуацию во многом по-другому. Москва, размышая уже о новом миропорядке после победы, официально не отказываясь от прекращения огня, старалась всячески затянуть его наступление. Так, 24 июля нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чicherin сообщил в ноте своему британскому коллеге Дж. Керзону, что им было отдано распоряжение начать подготовку мирных переговоров, а также о согласии на британское посредничество в этих переговорах. Те же намерения Чicherin подтвердил и в своем ответе полякам. Переговоры было предложено начать 30 июля.

Время в дороге сотрудники миссии не тратили понапрасну. По пути была совершена остановка в Праге для встречи с чешским президентом Томашем Масариком, который назвал ситуацию с обороной Варшавы обреченной и посоветовал союзникам не вмешиваться [История дипломатии, 1945: 82]. Кроме того, в пути делегация изучила диспозицию сил воюющих сторон. Поляки сосредоточили основные силы на южном театре военных действий в Восточной Галиции. Советские войска успешно атаковали на севере в районе Варшавы, оборона которой рассыпалась на глазах. Д'Абернон пришел к выводу, что первоочередной причиной поражений поляков является неразбериха в польском военном командовании. Никто не отдавал письменных приказов, также отсутствовали какие-либо записи телефонных распоряжений. Польский офицерский корпус был четко поделен на четыре неформальные группы — тех, кто получил подготовку в России, Германии, Франции или Австро-Венгрии. Представители каждой военной школы с недоверием и настороженностью относились друг к другу, в офицерской среде царили зависть и неразбериха [Bryant, 1990: 531].

Ситуацию для поляков осложнял несговорчивый и своенравный характер главы государства Юзефа Пилсудского. Свои первые впечатления о Пилсудском д'Абернон получил из беседы с бывшим польским премьер-министром Игнацием Падеревским, который характеризовал первое лицо Польши как слабого руководителя. Падеревский утверждал, что именно Пилсудский несет ответственность за то опасное положение, в которое попала Варшава. Кроме того, до членов миссии дошли слухи о том, что

Пилсудский планировал сформировать социалистическое правительство. Такой шаг позволил бы Пилсудскому упрочить свои внутриполитические позиции, а также получить более благосклонное расположение Москвы на мирных переговорах.

Проанализировав ситуацию, члены англо-французской миссии еще до прибытия в Варшаву разработали план действий: 1) сместить Пилсудского с должности верховного главнокомандующего, 2) усилить северный фронт для организации более эффективной обороны столицы, 3) усилить роль французской военной миссии в конфликте, 4) активизировать работу по заключению перемирия, 5) не позволить полякам вовлечь союзников в конфликт под предлогом спасения поляков от РККА [Weygand, 1957: 94]. Относительно вопроса обороны Варшавы позиции Вейгана и д'Абернона разошлись. Француз считал, что ситуация для поляков не безнадежна, в то время как британец не разделял оптимизм коллеги. Д'Абернон полагал, что Советы будут затягивать переговоры с целью взятия польской столицы. Кроме того, англичанин рекомендовал Лондону составить список из двухсот офицеров, которые бы смогли принять участие в обороне Варшавы [Documents on British Foreign Policy, 1958: 400].

Миссия прибыла в Варшаву 25 июля 1920 г. Делегатов встречали британский и французский послы сэр Хорас Румбольд и Гектор де Панафье, военные атташе обеих стран, а также группа польских официальных лиц. Д'Абернон вспоминал, что «прием был сдержанным — не чувствовалось душевности или энтузиазма». Британца удивило то спокойное настроение, которое царило в осажденном городе. «На улицах не было даже намека на тревогу или панику; никакого знака того, что польские мужчины массово призывались для обороны страны» [D'Abergnon, 1931b: 22], — отмечал д'Абернон.

Первые несколько дней в Варшаве миссия провела в постоянных встречах и совещаниях. В первую очередь, союзники решили обсудить дальнейшую судьбу Пилсудского. Генерал Вейган неоднократно в приватной обстановке высказывал идею об отстранении Пилсудского от командования польскими войсками. Послы Румбольд и де Панафье, а также британский военный атташе генерал Адриан Картон де Виарт, хорошо знакомые с внутриполитической ситуацией в Польше, призвали Вейгана

отказаться от этой идеи, поскольку она никогда не получила бы поддержки среди поляков и лишь привела бы к политическому кризису в стране. Союзники пришли к выводу, что следует сделать ставку на патриотические чувства. «Ничто не сможет остановить отступление поляков до того момента, как враг не достигнет Варшавы. Тогда патриотические чувства трансформируются в понимание необходимости защиты столицы» [Carton W. A de, 1950: 107—108], — заключил де Виарт. Больше союзники идею отстранения Пилсудского от власти не поднимали.

В день прибытия миссия также начала серию встреч с польскими официальными лицами. Положительное впечатление на д'Абернона произвел недавно назначенный министр иностранных дел Евстафий Сапега. Министр был откровенен с членами миссии и не отрицал всей серьезности ситуации. Сапега заявил, что сделает все от него зависящее, чтобы перемирие было заключено, хотя и выразил сомнения в реальности достижения этой цели. Свои сомнения первый дипломат Польши объяснил тем, что накануне Варшавой была перехвачена советская телеграмма, в которой Москва приказывала всем соединениям быть готовыми к массированной атаке. Д'Абернан оценил честность и ум Сапеги, отметив в своих записках о работе миссии, что министр «действительно хотел заключения перемирия, чем выделялся среди польского истеблишмента» [D'Abernon, 1931b: 31—32].

На следующий день д'Абернона и его коллег в Бельведерском дворце принимал Пилсудский. Поблагодарив делегацию за визит, польский глава сразу же перешел к делу и потребовал от союзников направить в Польшу несколько дивизий для поддержания боевого духа обороняющихся. Д'Абернан указал Пилсудскому на то, что офицеры французской военной миссии, которая уже несколько месяцев находилась в Польше, не были эффективно использованы, и направление новых военных контингентов не сможет переломить ситуацию. В свое оправдание польский главнокомандующий ответил, что польские и французские военные испытывали трудности в общении из-за языкового барьера. Британец парировал, сказав, что офицеры Его Величества по всему миру командуют солдатами, не говорящими по-английски, что не мешает выполнению поставленных задач. Пилсудский также отметил необходимость поддержки Польши в части снабжения

ее армии амуницией, дополнительные объемы которой потребуются, когда все резервисты и волонтеры встанут в строй. Встреча с Пилсудским произвела на всех делегатов негативное впечатление. Д'Абернон охарактеризовал главу Польши как человека с амбициями Наполеона, но без какого-либо таланта [Bryant, 1990: 533].

Следующую встречу миссия провела с лидером Крестьянской партии премьер-министром Винценты Витосом, бравировавшим своей близостью к простому народу и демонстративно не носящим галстук. Встреча с этим «театральным крестьянином», как охарактеризовал премьер-министра один из членов миссии, лишь подтвердила убеждение делегатов в неадекватности высшего руководства Польши. «Они говорят все, кроме правды», — заключил после серии встреч с польским истеблишментом генерал Вейган. Д'Абернон писал премьеру Ллойд Джорджу: «Я совсем не полагаюсь на поляков. В их политике я не вижу даже намека на эффективность или вменяемость. В первую очередь, я рассчитываю на заключение перемирия. Перемирие — это лучший способ хоть как-то спасти Польшу». Своей супруге дипломат писал следующее: «Никто не может прогнозировать развитие событий. Преобладает восточная, средневековая атмосфера» [Bryant, 1990: 533—534].

Тем же вечером Вейган провел еще одну встречу с Пилсудским, прошедшую с глазу на глаз. Генерал изложил главе государства свой план выхода из того военного кризиса, в который попала Польша:

1. Приказы отдаются офицерами только в письменном виде и по утвержденной форме. За неподчинение приказам нарушитель строго наказывается.

2. Замена непрофессиональных офицеров (многие из которых были соратниками Пилсудского) на доказавших свой профессионализм (многие из которых были недоброжелателями Пилсудского).

3. Передислоцирование излишних воинских контингентов с направления Восточная Галиция на Варшавское направление [Weygand, 1957: 104—107].

Пилсудский не принял ни одной из вышеперечисленных рекомендаций. Собеседники разошлись разочарованными друг в друге, что немедленно вылилось в личную обоюдную неприязнь. Начиная с этого момента, д'Абернону, помимо своей прямой

обязанности (помочи Польше в выходе из кризиса наименее кропотливым способом), пришлось выстраивать диалог между Пилсудским и Вейганом.

На следующий день миссия работала над вопросом разблокирования работы морского порта вольного города Данциг, через который союзники поставляли Варшаве основной объем военной помощи. Данциг, подмандатная территория Лиги Наций, был преимущественно населен немцами, которые не желали усиления роли Варшавы в управлении городом. По этой причине портовые работники устроили забастовку, не пропуская товары военного назначения, предназначавшиеся для поддержки польской армии. В частности, в порту ждал разгрузки британский военный корабль «Тритон». Английский высокий комиссар в Данциге сэр Реджинальд Тауэр боялся вызвать в городе беспорядки и решил не применять британские войска, расквартированные в Данциге, для разблокирования работы порта. После долгого обсуждения члены миссии сошлись во мнении, что союзникам необходимо возобновить процесс снабжения польской армии любой ценой. Д'Абернон аргументировал свое решение тем соображением, что в случае, если Варшава будет сдана Советам, польское правительство переместится в Познань, снабжение которого может осуществляться только через Данциг. Используя свое положение официального представителя премьер-министра, дипломат дал сэру Тауэру поручение провести работу по разблокировке работы порта, даже если это потребует применения силы британским военным контингентом [Documents on British Foreign Policy, 1958: 406, 409—411], [D'Abernon, 1931b: 38]. В тот же вечер дипломат направил вторую депешу, предназначавшуюся на этот раз главе Форин офиса Керзону. Зная о том, что сэр Тауэр являлся убежденным противником силового решения проблемы (britанский высокий комиссар работал согласно мандату Лиги Наций и не имел права вставать на позицию одной из сторон), д'Абернон просил министра отозвать Тауэра в Лондон для консультаций и назначить на его место члена миссии от Британии сэра Хакинга [Documents on British Foreign Policy, 1958: 405—406].

Встреча с министром казны Владиславом Грабским, а также ужин у министра иностранных дел Сапеги, на котором присутствовал почти весь кабинет министров, окончательно

убедили д'Абернона в правоте суждений генерала Вейгана. Грабский в беседе подтвердил диплому, что ответственность за военные и социально-экономические неудачи Польши всецело лежит на Пилсудском. Глава Польши не хотел предпринимать ни одного действия (пусть даже самого необходимого), которое потенциально могло бы ограничить его власть; он превозносил свой военный гений и не желал слышать никаких советов и рекомендаций. Также главный финансист подтвердил свою готовность плотно сотрудничать с миссией и предпринимать рекомендованные ее членами действия. Беседы с другими членами польского кабинета также оказались продуктивными. Д'Абернон писал в своих воспоминаниях: «Они желали воспользоваться помощью Вейгана и французской военной миссии, но не могли ослушаться приказа главы Польши Пилсудского» [D'Abernon, 1931b: 34—35].

27 июля на оперативном совещании британский генералитет, входивший в состав миссии, рекомендовал д'Абернону выдвинуть Пилсудскому ультиматум о назначении генерала Вейгана главой Генштаба Польши. Вести с северного фронта заставляли действовать быстро, поскольку Красная армия находилась уже в каких-то семидесяти километрах от Варшавы. На фоне успехов РККА активизировались контакты Советской России и Веймарской республики. Представители двух стран начали обсуждать вопросы новых границ Германии, Польши и России. В Москве, кроме того, заговорили о революционизации Польши и всей Центрально-Восточной Европы [Черноперов, 2006: 166—204].

Необходимость воплощения в жизнь рекомендаций Вейгана более не вызывала сомнений. Дипломат назначил собрание всего польского высшего командования, а также дал генералу Редклиффу два поручения: направить в британское военное министерство письмо с перечислением военных нужд Варшавы, встретиться с Пилсудским и объявить тому о решении назначения Вейгана и реформах в армии.

Встреча с польским генералитетом прошла достаточно успешно. Д'Абернон выступил с предложением о назначении генерала Вейгана начальником польского Генерального штаба, но встретил сопротивление со стороны военных. Генералы боялись, что назначение француза командующим польским Генштабом может вызвать недовольство в офицерской среде, которая и без того

не отличалась дисциплиной и слаженностью работы. Стороны сошлись на решении, что Вейган будет назначен советником главы Генштаба и получит право доступа ко всем документам, а его рекомендации будут иметь самый серьезный вес. Кроме того, генерал Редклифф назначался помощником Вейгана. Польский генералитет также соглашался на передислокацию излишних контингентов на Варшавское направление [Documents on British Foreign Policy, 1958: 665—668]. Дипломат был доволен результатами переговоров и писал Керзону, что они «подняли моральный дух правительства и были очень тепло встречены» [Bryant, 1990: 536].

28 июля сэру Хакингу удалось сдвинуть с мертвой точки блокирование работы Данцигского порта. Военный груз, находившийся на борту «Тритона» был выгружен, а работа порта полностью восстановлена. Союзную помощь польской армии погрузили на поезда. 3 августа она прибыла в Варшаву. Вмешательство Хакинга возмутило сэра Тауэра, который так и не был отозван в Лондон. Тауэр направил Керзону жалобу на д'Абернона о том, что дипломат дает поручения и действует в разрез с инструкциями, поступающими Тауэру из Лондона. Глава Форин офиса, который, все-таки, решил не отзывать Тауэра, направил д'Аберну письмо, в котором предостерегал того от резких действий и призывал «не давать инструкций, расходящихся с официальной позицией внешнеполитического ведомства» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 410—411].

Между тем, польское военное командование передало союзной миссии перехваченную секретную советскую телеграмму, в которой говорилось о необходимости затягивания советскими переговорщиками разрешения вопроса о перемирии до 4 августа. Все так и произошло. Когда польская дипломатическая делегация прибыла в г. Барановичи для проведения переговоров, представители Советской России и ее союзников объявили о переносе даты и места встречи, сославшись на отсутствие со своей стороны полномочий обсуждать и подписывать какие-либо документы о перемирии. Новой датой было названо 4 августа. Новым местом — Минск [Documents on British Foreign Policy, 1958: 422].

Неприкрытое затягивание переговорного процесса вместе с продолжающимися военными успехами Красной армии окончательно убедили д'Абернона в неготовности Москвы к перемирию.

«Мы должны твердо дать Советам понять, что если продвижение их армии продолжится, то подготовка к заключению перемирия и возобновлению торговых отношений категорически невозможны» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 419], — писал дипломат 30 августа в своем обращении к лорду Керзону. 31 августа д'Абернон также уведомил британское военное министерство, что большевики намеренно затягивают переговоры для создания условий к продвижению вглубь польской территории. Надежды остановить победное шествие Красной армии дипломатическими методами не оставалось практически никакой, поэтому британец связывал главную возможность исправления ситуации исключительно с управлеченческими и военными талантами генерала Вейгана, который должен был перестроить работу польского Генштаба.

Вместе с тем, ситуация в самом Генштабе исправлялась крайне медленно. 30 июля д'Абернон записал в своем дневнике: «Невыносимо сложно убедить польское военное командование сосредоточить достаточное количество войск на северном фронте» [D'Abernon, 1931b: 44]. Четырьмя днями позже дипломат будет докладывать лорду Керзону, о жалобах генерала Вейгана на неисполнение его приказов польскими офицерами. Генерал также сообщал, что поляки практически не предприняли никаких действий для защиты подступов к Варшаве [Bryant, 1990: 538]. Д'Абернон решил лично проверить линию обороны польской столицы и пришел к выводу, что Вейган был прав. Требовалась также перестройка работы польской разведки. Ее деятельность велась настолько плохо, что британский военный атташе генерал де Виарт и генерал Редклифф чуть не попали в советский плен под Брест-Литовском. Обороняющиеся даже не знали, что Красная армия стояла в каком-то часе езды от города [D'Abernon, 1931b: 51—53]. Д'Абернон решил взять ситуацию в свои руки и назначил встречу союзной миссии с польским военным командованием на вечер 3 августа.

Совещание 3 августа стало поворотной точкой командования этой военной кампанией. Д'Абернон уличил польский Генштаб в том, что Вейган не получает полный доступ к документам и что приказы генерала не исполняются. Обвинения застали поляков врасплох и вызвали целый шквал несогласных и недовольных заявлений. Министр Сапега выразил сожаление, что генерал

Вейган не удовлетворен уровнем взаимодействия, и заверил, что ни одно важное решение не будет принято без участия француза. Вместе с тем, Сапега заявил, что Варшава не начнет переговоры о перемирии с Москвой пока Советы не освободят ранее занятый ими г. Барановичи. Кроме того, польский министр попросил д'Абернона и главу французской миссии Жана Жюссерана вернуться в свои столицы и запросить военную поддержку. Британец передал эту просьбу в Форин оффис, но получил отказ лорда Керзона.

После встречи 4 августа польская сторона перестала игнорировать распоряжения генерала Вейгана. Согласно рекомендациям француза, польское командование передислоцировало часть сил к реке Буг — последней природной преграде, отделявшей Варшаву от войск РККА. Кроме того, Пилсудский согласился сделать то, на чем союзная миссия настаивала с самого первого дня своей работы — «перебросить» значительные силы польской армии с направления Восточной Галиции на варшавское направление [Weygand, 1957: 129—130]. Министр Грабский также сообщил д'Аберну, что часть польских высокопоставленных военных, не согласных исполнять рекомендации союзников, была отстранена от командования и заменена более гибкими офицерами. В своем дневнике британский дипломат подчеркивал, что «Вейган настроен гораздо более оптимистично, чем 48 часов тому назад, и отмечает настрой поляков на более тесную работу» [Bryant, 1990: 538—539]. Французскому генералу удалось «прикрепить» к каждому крупному польскому военному соединению своих доверенных людей, так что Вейган теперь мог получать оперативную информацию и без задержек транслировать свои решения напрямую в армейские соединения.

В первые дни августа 1920 г. Варшава одержала несколько локальных побед. Ситуация на фронте для Польши стала выправляться, и поэтому 9 августа Вейган и Пилсудский договорились перейти в контрнаступление. Идея заключалась в том, чтобы ударить по Красной армии с ее южного фланга. Атака была бы неожиданной для большевиков, поскольку все их основные силы были сосредоточены на варшавском направлении. Генерал Редклифф охарактеризовал этот план как «смелый и весьма перспективный». Он также отметил, что контратака может с легкостью провалиться, если РККА предпримет минимальные меры предосторожности на южном

направлении или если польская столица падет раньше, чем замысел будет реализован. Удержать Варшаву в польских руках стало главной задачей Вейгана и Редклиффа в течение второй декады августа.

Поскольку военные вопросы теперь были замкнуты на генералах Вейгане и Редклиффе, в професионализме которых д'Абернон не сомневался, дипломат решил сфокусироваться на вопросах мирного урегулирования конфликта. Британец обратился к министру иностранных дел Сапеге с предложением о возобновлении переговоров в Минске, как на том настаивала советская сторона. «Варшава не должна дать Москве ни малейшего повода к обвинениям в затягивании или нежелании мира», — писал д'Абернон 9 августа в своем послании Ллойду Джорджу. В том же документе дипломат отрицал все инсинуации Советов относительно вины польской стороны в провале переговоров в Барановичах: «С самого первого дня моей работы в Варшаве мы использовали любые возможности к установлению перемирия». С другой стороны, РККА «перешла всякие мыслимые границы» [Documents on British Foreign Policy, 1958: 441], а сами большевики не имели ни малейшего намерения разрешить конфликт миром.

Д'Абернон понимал, что проблема «коммунизации» Европы — гораздо больше, чем, хоть и кровопролитная, но все же локальная советско-польская война; и что без привлечения к сотрудничеству Германии — одного из крупнейших европейских государств — решить эту проблему невозможно. Стратегическое видение британца заключалось в реинтеграции Берлина в «европейскую семью». Д'Абернон, который совсем скоро станет британским послом в Германии, разработал рекомендации по созданию на континенте антибольшевистской лиги, в число членов которой, по его мысли, должна была войти и Германия. Этот документ так и не был отправлен в Лондон, но сохранился в личном архиве дипломата. Д'Абернон, видимо, посчитал эти рекомендации преждевременными, поскольку антигерманские настроения и желание максимально ослабить Берлин превалировали в политико-экономических кругах Европы и соответствовали «духу Версалья». С большой долей вероятности можно сказать, что именно миссия д'Абернона в Варшаве сформировала в мировосприятии дипломата убеждение в необходимости включения «на равных» Берлина в политические процессы [Bryant, 1990: 539].

Между тем поляки продолжали настаивать на оказании им прямой военной поддержки. 5 августа 1920 г. состоялось совещание под председательством д'Абернона, на котором были выработаны предложения о трех возможных уровнях военной помощи от Лондона и Парижа. «Программа максимум» предполагала направление в Польшу не менее 2 пехотных и 2 конных дивизий под командованием французского или британского генерала. «Средний вариант» заключался в занятии союзными войсками Данцига, направление в Польшу большого количества амуниции и военных советников. «Программа минимум» предполагала только взятие под контроль Данцига, что позволило бы организовать через его порт поставки помощи [Documents on British Foreign Policy, 1961: 443—444].

Возможно, предполагая, что рекомендации англо-французской миссии не будут услышаны в Лондоне и Париже, д'Абернон направил вслед за коллективными своими личные предложения. Дипломат указывал на необходимость поднятия боевого духа польской армии. И даже если союзники решат не направлять Варшаве реальную военную поддержку, то следует создать видимость таких намерений. Д'Абернон предложил «запустить» информацию о подготовке ряда деклараций Лондона и Парижа о статусе Данцига, а также «секретные сведения» о направлении в Польшу больших резервов амуниции. «Хорошо разыгранная интрига станет для поляков лучшим тонизирующим средством», — заключил дипломат [Documents on British Foreign Policy, 1961: 446].

Проработка вопроса о помощи Польше д'Аберноном и его коллегами позволила подготовить франко-британскую встречу на высшем уровне, которая состоялась в начале августа 1920 г. в английском городе Хит. Премьер-министр Ллойд Джордж и президент Мильеран договорились отправить Варшаве снаряжение для 22 дивизий, возобновить блокаду России, а также предпринять все усилия для недопущения захвата Советами Данцига. В ответ главы Британии и Франции потребовали от Польши издания декларации, в которой бы говорилось, что Варшава готова сражаться за свою независимость до последней капли крови последнего польского солдата. Кроме того, Пилсудский должен был назначить единого командующего всеми военными операциями, при котором бы находились союзные советники [Documents on British Foreign Policy, 1958: 709—755].

Сообщение об итогах встречи лидеров Франции и Великобритании достигло Варшавы 10 августа и было принято с крайним удовлетворением, как среди правящих кругов, так и в народных массах. Газета «Таймс» сообщала, что толпы поляков, собравшиеся у стен французской военной миссии и британского посольства, скандировали лозунги в поддержку Антанты¹. Единственным проблемным моментом договоренностей стал вопрос назначения главнокомандующего, поскольку этот пост за день до встречи Ллойд Джорджа и Мильерана был предложен генералу Вейгану, что шло вразрез с договоренностями глав союзных государств [D'Abernon, 1931b: 67—69].

Вместе с тем, отношения в стане союзников начали резко ухудшаться. Увлеченный переговорами о заключении торгового соглашения с Советской Россией, Ллойд Джордж 10 августа 1920 г. отозвал британские предложения о помощи Польше, которые были достигнуты в Хите [Ullman, 1973: 225—232, 253—257]. Президент Мильеран в ответ на односторонние действия британцев также в одностороннем порядке признает официальным правительством России ставку генерала Петра Врангеля, начавшего успешное наступление в Крыму [Carley, 1976: 163—189]. Британский премьер был взбешен, узнав о таком поступке французов из утренней «Таймс» [Ullman, 1973: 237—240].

Англо-французское дипломатическое противостояние, разменной монетой которого стала помощь Польше, вызвало в Варшаве эффект разорвавшейся бомбы. Все усилия дипломатической миссии д'Абернона и его партнеров были поставлены под угрозу. Прогресс, достигнутый в ходе переговоров, был утрачен. Д'Абернан был в отчаянии. «Я предполагаю, что Палата общин настроена против Польши и против меня лично» [Bryant, 1990: 541], — писал дипломат в своем дневнике.

Москва прорабатывала как военные, так и политические шаги. 23 июля в Смоленске был учрежден Польревком — временный революционный комитет Польши — который, по мысли Ленина, должен был стать новым польским правительством после поражения Пилсудского. В состав комитета вошло 8 человек, в том числе Феликс Дзержинский. Номинальным председателем

---

¹ Times. Times Newspapers. 1920. 13 August.

Польревкома стал Юлиан Мархлевский. Одной из первоочередных задач Польревкома стало формирование лояльно настроенных военных соединений. Так, 4 августа комитет направил в польские части приказ «О немедленном образовании в частях армии советских солдатских депутатов с передачей им всей власти в армии и об аресте наиболее контрреволюционных генералов» [Кантор, 2020: 64]. Вместе с тем, формирование польской Красной армии шло очень трудно. К середине августа ее численность насчитывала всего около 1000 человек, большинство из которых были переведены из рядов советской Красной армии. Гражданское население также не желало пополнять ряды польских красноармейцев. Дзержинский сообщал Ленину 5 августа, что местное население «враждебное, угоняют скот, лошадей, снимают с повозок колеса» [Кантор, 2020: 64].

Тем временем советские войска продолжали свое наступление на польскую столицу. Положение Варшавы становилось с каждым днем все более обреченным. К концу июля польская армия потеряла 30 тысяч человек убитыми и 200 тысяч ранеными. В строю находилось всего 172 тысячи человек [Айрапетов, URL:<https://regnum.ru/news/polit/3026814.html>]. 3 августа 1920 г. армии большевиков прервали железнодорожное сообщение между Варшавой и Данцигом. Из перехваченной поляками советской телеграммы следовало, что массированная атака на город должна начаться 14 августа [D'Abernon, 1931b: 77].

Для союзной миссии наступило время эвакуации. Осознавая, какой смертельной угрозе подвергается Польша без помощи союзников, д'Абернон накануне отъезда предпринял еще одну попытку спасения Варшавы. В своей телеграмме Керзону дипломат предложил без промедлений заключить между воюющими сторонами перемирие, скрепленное гарантиями Лондона и Парижа. По мысли британца, союзники бы подтверждали Москве, что Варшава не будет использовать перемирие для перевооружения, а Польше — военную помощь в случае нарушения большевиками соглашений [Documents on British Foreign Policy, 1958: 475]. Керзон оставил обращение д'Абернона без ответа. Рано утром 14 августа 1920 г. миссия покинула Варшаву и переместилась в Познань. Внимание мировой общественности было приковано к битве за Варшаву. Обороной города командовал Вейган, которому

помогали Редклифф, польские и французские офицеры, в том числе, и молодой Шарль де Голль, который был в последствие представлен к польской военной награде и удостоился упоминания о своей храбрости в ряде донесений генерала Вейгана.

16 августа 1920 г. Пилсудский предпринял попытку контр-атаки на южном направлении. «Это ход настоящего игрока. Смелые действия в манере Пилсудского. Такой неординарный шаг может обескуражить русских и прервать их атаку» [D'Abernon, 1931b: 89], — восхищался наш британец военной неординарностью польского лидера. Усилия дали немедленные плоды. Д'Абернон сообщал Керзону, что Красную армию застали врасплох и она бежала с поля боя. На следующий день дипломат сообщал главе Форин офиса следующее: «Смелая атака полностью оправдала себя: разгром большевиков оказался возможен» [D'Abernon, 1931b: 90]. Днем позже д'Абернон докладывал: «Части Красной армии, окружающие Варшаву, находятся в смертельной опасности — она будет либо захвачена, либо разбита» [Bryant, 1990: 542]. В своем следующем письме британскому премьеру дипломат с удовольствием констатировал, что «возможно, за всю мировую историю атакующая армия никогда не терпела такое сокрушительное поражение» [Bryant, 1990: 542]. Впечатленные победой, члены англо-французской миссии приняли решение вернуться 19 августа в Варшаву.

Почувствовав вкус победы, поляки стали проявлять больше самостоятельности в принятии решений и игнорировать советы англо-французской миссии. В частности, на военном совете, который состоялся 19 августа 1920 г., Пилсудский проявил жест явного неуважения к генералу Вейгану. Польский лидер говорил более двух часов на родном языке, ни разу не обратившись к главному французскому военному советнику. Вейган был глубоко возмущен таким отношением и даже потребовал от д'Абернона, чтобы миссия в срочном порядке покинула Польшу [Weygand, 1957: 151—152]. Британец попытался успокоить француза словами о том, что отъезд из страны во время решающих сражений означал бы акт предательского поведения в отношении польского народа. Вместе с тем, д'Абернон, как и Вейган, был крайне недоволен действиями польской стороны. «Они слушают его советы

с неохотой; говорят только то, что устраивает их; не проявляют никакой благодарности за поддержку», — возмущался дипломат. А ведь именно благодаря действиям и советам Вейгана и Редклиффа «полякам удалось выйти из этой безнадежной ситуации» [Bryant, 1990: 143].

Между тем, советско-польские мирные переговоры начались 17 августа в Минске. Предложения Москвы были следующими: «РСФСР и УССР признавали независимость Польши, право польского народа выбрать форму правления (Ст. 1), отказывались от контрибуции (Ст. 2), в качестве границы принималась «линия Керзона» с небольшими отступлениями в пользу Польши в районе Белостока и Холма (Ст. 3), Польша брала обязательства ограничить армию численностью в 50 тыс. чел., которую предполагалось усилить рабочей и гражданской милицией (Ст. 4), сразу же после подписания предварительных соглашений Варшава должна была приступить к демобилизации (Ст. 5), выдать лишнее оружие и боеприпасы советской стороне (Ст. 6), прекратить производство вооружения на своей территории (Ст. 7)» [Айрапетов, 2020: 528]. Но поляки одержали победу не только на военном, но и на дипломатическом фронте. В Минске большевики пытались держать поляков в неведении относительно исхода битвы, требуя принятия условий гораздо более суровых, чем те, которые были предложены Ллойд Джорджу 10 августа. Случайно узнав о победе, польская делегация прервала переговоры и вернулась в Варшаву, где раскрыла всю изящность советского замысла [Komarnicki, 1957: 723—728].

К этому времени необратимость польской победы стала окончательно ясна. Вместе с тем, позиция британского дипломата заключалась в продолжении советско-польских мирных переговоров, но уже на более выгодных для Варшавы условиях. Д'Абернон полагал, что новые военные реалии требуют прекращения переговоров в Минске и их переформатирования «на новой основе и на новом месте» [Bryant, 1990: 544]. Британский премьер придерживался того же мнения. Он не хотел, чтобы миссия покинула Польшу до тех пор, пока вопрос не будет решен дипломатически. 25 августа он поручил д'Абернону оставаться в Варшаве, чтобы поляки не повторили «военных ошибок весны

и не выставили излишних условий из-за своей победы» [Bryant, 1990: 544]. По стечению обстоятельств д'Абернон получил это сообщение уже после своего отъезда из польской столицы.

Д'Абернона по-прежнему беспокоило закрытие порта Данцига, организованное английским высоким комиссаром сэром Таузром. Вместе с тем, кроме протеста, направленного в Форин офис, дипломат мало что мог сделать. Д'Абернон убедил генерала Редклиффа направить в Военное министерство сообщение о том, что действия Тауэра поставили миссию в неловкое положение. Редклифф настоятельно призвал Военное министерство принять все возможные меры. 23 августа 1920 г. Д'Абернон телеграфировал Керзону о столкновении между защитниками Данцига и Красной армией вопреки Версальскому договору, добавив, что «если такое умышленное нарушение положений Версаля будет допущено без возражений и последствий для Советов, то мирный баланс в этой части Европы окажется под угрозой» [Documents on British Foreign Policy, 1961: 517].

Ллойд Джордж соглашался с мнением д'Абернона о незаконности блокирования Данцига. На встрече с итальянским премьером Джованни в Люцерне британский лидер предложил обеспечить для Польши силами всех стран Антанты возможность «свободного пользования и обслуживания всего порта без каких-либо ограничений» [Documents on British Foreign Policy, 1961: 518, 522]. Лондон стал действовать решительно. Уже через два дня к Данцигу были отправлены три крейсера и шесть эсминцев. Быстрый ответ Антанты убедил немцев повлиять на бастующих и возобновить работу порта. 27 августа перевозка боеприпасов союзниками для нужд Варшавы возобновилась [Documents on British Foreign Policy, 1961: 532].

В последние дни пребывания в Варшаве д'Абернон в основном занимался информированием Форин офиса об успехах польской армии и подготовкой доклада о польско-советских дипломатических отношениях, который британец назвал «Восемнадцатая решающая битва мира». В докладе дипломат раскритиковал тех представителей английского истеблишмента, которые были «достаточно глупы, чтобы требовать от них [большевиков] быть искренними и прямыми». Дипломат выражал глубокую благодарность Ллойд Джорджу за то, что премьер доверил ему стать частью

миссии: «Я глубоко обязан Вам за предоставленную мне возможность получения этого опыта» [D'Abernon, 1931b: 100—105].

Миссия покинула Варшаву 25 августа. М. Вейган был награжден высшим польским военным орденом «Virtuti Militari», вручаемым за выдающиеся боевые заслуги. Ю. Пилсудский в день вручения отлучился из столицы, чтобы не представлять генерала к ордену лично [Wandycz, 1920: 365]. В. д'Абернон отметил, что поляки с опозданием выражают свою благодарность тем, кто помог сделать победу возможной, добавив, что «теперь они очень щедро наверстывают упущенное время» [D'Abernon, 1931b: 111]. В Кракове князь Р. Чарторыйский устроил для миссии пышный пир. Во время празднования было произнесено много хвалебных слов, в том числе и в адрес британского дипломата. 28 августа миссия прибыла в Париж, где также получила грандиозный торжественный прием. Рэдклифф отметил, что не видел такой многолюдной демонстрации в Париже даже во время торжеств по случаю подписания Версальского мира. Д'Абернон задержался во французской столице на несколько дней, чтобы провести ряд встреч с французскими официальными лицами. На «Набережной Орсе» британец выразил свое негодование в отношении новой формы дипломатии, практикуемой Советской Россией. Он отметил, что Москва использует грязную дипломатию, прибегая к недобросовестности и двуличию. «Они гордятся тем, что бьют ниже пояса и нарушают свое слово», — негодовал д'Абернон [Bryant, 1990: 545].

Заключение

Так какие же факторы позволили «Чуду на Висле» случиться? Безусловно, не следует преуменьшать роль польской армии, политического и военного командования в этом успехе. Вместе с тем, важным фактором, безусловно, стало дипломатическое и военно-управленческое участие англо-французской миссии в этом конфликте. Благодаря работе генерала Вейгана польская армия была реорганизована: на командные посты были привлечены способные руководители, боеспособность соединений повысилась, польская столица была подготовлена к советскому нападению. В то время как Пилсудский начал свое контрнаступление,

Вейган и Рэдклифф фактически командовали обороной Варшавы, без сохранения которой в польских руках победа Пилсудского, вероятно, была бы невозможна.

Вместе с тем, определяющим фактором успешности выполнения поставленных в Лондоне и Париже задач была работа д'Абернона, который осуществлял дипломатическое обеспечение работы миссии, фактически став главным переговорщиком по линии Варшава — Москва, а также между правительствами Польши и союзников. Обеспечение военных рычагами влияния на командование польскими силами, поставки оружия и амуниции через Данциг, продолжение переговоров между Москвой и Варшавой, выявление «уловок» советской дипломатии — все это стало возможным благодаря усилиям британца.

Список источников

- Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920—1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020. 800 с.
- Айрапетов О. Р.* 100 лет назад. От Польревкома до битвы под Варшавой. URL:<https://regnum.ru/news/polit/3026814.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- История дипломатии: в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. М.: Госполитиздат, 1941—1945. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.). 1945. 884 с.
- Кантор Ю. З.* Как Польшу «штыками прощупали» // Дилетант. 2020. № 58. С. 62—65.
- Черноперов В. Л.* Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1919—1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 436 с.
- Bryant R.* Lord D'Abernon, the Anglo-French Mission, and the Battle of Warsaw, 1920 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. H. 4. S. 526—547.
- Carley M. J.* The Politics of Anti-Bolshevism: the French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // The Historical Journal. 1976. Vol. 19. № 1. P. 163—189.
- Carton W. A de.* Happy Odyssey: The memoirs of Lieutenant-general Sir Adrian Carton de Wiart. L.: Jonathan Cape, 1950. 287 p.
- Churchill W.* The Aftermath. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1929. 502 p.

- D'Abernon*. An Ambassador of Peace: Lord d'Abernon's Diary. L.: Hodder and Stoughton, 1929. Vol. 1. 332 p.
- D'Abernon*. Portraits and Appreciations. L.: Hodder and Stoughton, 1931a. 259 p.
- D'Abernon*. The Eighteenth Decisive Battle of the World: Warsaw 1920. L.: Hodder and Stoughton, 1931b. 178 p.
- Davies N.* White Eagle, Red Star. L.: Macdonald and Co, 1972. 220 p.
- Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. 1st series / ed. by R. Butler and J. P. T. Bury. L.: H. M. Stationery Off, 1958. Vol. 8. 891 p.
- Jedrzejewicz W.* Kronika zycia Józefa Piłsudskiego. 1867—1935. L.: Polska Fundacja Kulturalna, 1977. 544 p.
- Jena K. V.* Polnische Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg. Das Problem der Beziehungen zu Sowjetrußland nach dem Rigaer Frieden von 1921. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. 244 S.
- Klessmann C.* Der polnisch-sowjetische Krieg von 1920 als europäisches Problem // Ostmitteleuropa. Berichte und Forschungen / hrsg. von U. Haustein, G. W. Strobel und G. Wagner. Stuttgart: Steiner Verlag, 1981. S. 310—334.
- Komarnicki T.* Rebirth of the Polish Republic. A Study in the Diplomatic History of Europe, 1914—1920. L.: W. Heinemann, 1957. 776 p.
- Piłsudski J.* Rok 1920. L.: Fifth Impression, 1941. 224 p.
- Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Vol. 3: The Anglo-Soviet Accord. Princeton: Princeton University Press. 1973. 536 p.
- Wagner G.* Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden: Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftlich, 1979. 294 S.
- Wandyicz P. S.* General Weygand and the Battle of Warsaw // Journal of Central European Affairs. 1960. Vol. 19. № 4. P. 357—365.
- Wandyicz P. S.* Soviet-Polish Relations, 1917—1921. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 418 p.
- Weygand M.* Mémoires, mirages et réalité. Paris: Flammarion, 1957. 522 p.

References

- Airapetov, O. R. (2020), *Vneshniaia politika Sovetskoi Rossii i SSSR v 1920—1939 godakh i istoki Vtoroi mirovoi voiny* [The foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920—1939 and the origins of the Second World War], Rodina, Moscow, Russia.
- Airapetov, O. R., *100 let nazad. Ot Pol'revkoma do bitvy pod Varshavoi* [100 years ago. From Polrevkom to the Battle of Warsaw], available at: <https://regnum.ru/news/polit/3026814.html> (Accessed 10 May 2021).

- Bryant, R. (1990), ‘Lord D’Abernon, the Anglo-French Mission, and the Battle of Warsaw, 1920’, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 38, heft 4, S. 526—547.
- Butler, R. and Bury, J. P. T. (1958) (eds.), *Documents on British Foreign Policy, 1919—1939*, 1st series, vol. 8, H. M. Stationery Off, London, UK.
- Chernoperov, V. L. (2006), *Diplomaticheskaia deiatel’nost’ V. L. Koppa v Germanii v 1919—1921 gg.* [Diplomatic activity of V. L. Kopp in Germany in 1919—1921], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Carley, M. J. (1976), ‘The Politics of Anti-Bolshevism: the French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920’, *The Historical Journal*, vol. 19, no. 1, pp. 163—189.
- Carton, W. A de (1950), *Happy Odyssey: The memoirs of Lieutenant-general Sir Adrian Carton de Wiart*, Jonathan Cape, London, UK.
- Churchill, W. (1929), *The Aftermath*, Charles Scribner’s Sons, New York, N. Y.
- D’Abernon, (1929), *An Ambassador of Peace: Lord d’Abernon’s Diary*, vol. 1, Hodder and Stoughton, London, UK.
- D’Abernon, (1931a), *Portraits and Appreciations*, Hodder and Stoughton, London, UK.
- D’Abernon, (1931b), *The Eighteenth Decisive Battle of the World: Warsaw 1920*, Hodder and Stoughton, London, UK.
- Davies, N. (1972), *White Eagle, Red Star*, Macdonald and Co, London, UK.
- Jedrzejewicz, W. (1977), *Kronika życia Józefa Piłsudskiego, 1867—1935*, Polska Fundacja Kulturalna, London, UK.
- Jena, K. V. (1980), *Polnische Ostpolitik nach dem Ersten Weltkrieg, das Problem der Beziehungen zu Sowjetrußland nach dem Rigaer Frieden von 1921*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany.
- Kantor, Yu. Z. (2020), ‘How Poland was “probed with bayonets”’, *Diletant [Amateur]*, no. 58, pp. 62—65.
- Klessmann, C. (1981), ‘Der polnisch-sowjetische Krieg von 1920 als europäisches Problem’, in Haustein U., Strobel G. W. and Wagner G. (eds.) *Ostmitteleuropa, Berichte und Forschungen*, Steiner Verlag, Stuttgart, Germany, S. 310—334.
- Komarnicki, T. (1957), *Rebirth of the Polish Republic, a Study in the Diplomatic History of Europe, 1914—1920*, W. Heinemann, London, UK.
- Pilsudski, J. (1941), *Rok 1920*, Fifth Impression, London, UK.
- Potemkin, V. P. (ed.) (1945), *Istoriia diplomati: v 3 tomakh, tom 3: Diplomatiia v period podgotovki Vtoroi mirovoi voiny (1919—1939 gg.)* [History of diplomacy: in 3 volumes, vol. 3: Diplomacy

- during the preparation of the Second World War (1919—1939)], *Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi literatury*, Moscow, Russia.
- Ullman, R. (1973), *Anglo-Soviet Relations, 1917—1921*, vol. 3: The Anglo-Soviet Accord, Princeton University Press, Princeton, N. J.
- Wagner, G. (1979), *Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920*, Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftlich, Wiesbaden, Germany.
- Wandyucz, P. S. (1960), ‘General Weygand and the Battle of Warsaw’, *Journal of Central European Affairs*, vol. 19, no. 4, pp. 357—365.
- Wandyucz, P. S. (1969), *Soviet-Polish Relations, 1917—1921*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Weygand, M. (1957), *Mémoires, mirages et réalité*, Flammarion, Paris, France.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Н. Д. Сорокин — кандидат исторических наук, проректор по социальному развитию и международной деятельности, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

N. D. Sorokin — Candidate of Science (History), Vice-Rector for Social Development and International Affairs, Ivanovo State University, Russia.